

Экология в современном мире. ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ РОССИИ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ (ПРОЕКТ НЕСТАНДАРТНОГО РЕШЕНИЯ)

Автор: Б. Б. РОДОМАН

Для сохранения биосферы и выживания человечества необходимо, чтобы от четверти до трети всей земной суши занимали естественные леса, степи, прерии, луга, тундры, высокогорья с ледниками и снежниками и другие природные ландшафты с присущим им диким животным миром. Эта ориентировочная количественная норма почти полстолетия обращается в научной литературе и принята мною как некоторый важный *квазипостулат* [Родоман, 1999, 2002^а]. Желательно, чтобы природные, натуральные земельные угодья пронизывали даже высокоурбанизированную и густонаселенную людьми среду, но если во многих регионах мира это ныне трудноосуществимо, то должны быть и разнообразные формы экологической компенсации, то есть страны, где природный ландшафт наличествует в избытке и имеет, тем самым, международное, экспортное значение.

Россия - одна из немногих крупных стран (наряду с Канадой и Бразилией), которая могла бы стать "профессиональным" экологическим донором для мирового сообщества. На мой взгляд, желательна экологическая специализация нашей страны в мировом масштабе - превращение большей ее части в национальные парки, природные заповедники, а также в промыслово-охотничьи, рыболовные и прочие полудикие биоресурсные угодья, используемые в разумных пределах естественного прироста биомассы [Уатт, 1971]. Рассмотрим доводы в пользу такого решения.

Сжатие обитаемого пространства

Российская империя захватила больше земель, чем смогла освоить и заселить. После частичной этнополитической деколонизации 1991 г. обнажились и усугубились черты инвертированного, *внутреннего колониализма* [Родоман, 1996]. Генетически нацеленная на бесконечную экспансию, наша держава, потеряв возможность дальнейшего расширения, обратила свою колонизационную инерцию внутрь страны, что проявилось, в частности, в грандиозном захвате и переделе пригородных и городских земель [Родоман, 2002^б]. Напротив, вдали от больших городов та самая земля, из-за которой в прошлые века было пролито немало крови и чернил, оказалась, выражаясь на современном новоязее, "бесхозной".

Советские командно-административные кампании по освоению, заселению, подъему, мелиорации разного рода территорий во многих случаях привели к их опустошению.

Родоман Борис Борисович - доктор географических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института развития профессионального образования (Москва).

После краха СССР *обитаемое пространство* внутри Российской Федерации сокращается и фрагментируется [Каганский, 2001]. Более или менее "цивилизованная жизнь" (по западноевропейским стандартам) в современной России оказалась возможной только в больших городах и отчасти в их пригородах, а также кое-где вдоль крупнейших транспортных магистралей. Остальное пространство используется незначительно и слабее, чем до революции 1917 г.

В том или ином смысле "нормальное", "здравое" сельское хозяйство за пределами Черноземья и Северного Кавказа существует лишь в пригородных зонах, а разносторонняя крестьянская жизнь и демографически полноценное сельское население наблюдается только у некоторых нерусских народов Поволжья, Урала и Сибири (скорее, как пережиток патриархального уклада) [Нефедова, 2003]. В остальной сельской местности коренное население деградирует и вырождается; там круглый год проживают главным образом инвалиды, пенсионеры, алкоголики... На большей части российского Нечерноземья деревня если не совсем исчезла, то стала реликтовым явлением и поддерживается летней деятельностью горожан, а вокруг городов преобразовалась в дачные поселки.

Известные упования на возрождение и развитие России можно отнести к ее большим городам и окружающему их *субурбанизированному ядру*, сосредоточенному вокруг Москвы и распределенному возле региональных столиц. А что делать с остальной территорией, *внешней и внутренней периферией*, занимающей миллионы (!) квадратных километров? Я думаю, что ареалы экономического затишья и упадка можно превратить в места *процветающего природного ландшафта*, который ведь все равно должен где-то размещаться.

Одичание земли, ренатурализация ландшафта

В России после 1991 г. увеличилась *социально-экономическая поляризация*, усилились различия и усугубилась пропасть между богатым, влиятельным меньшинством и бедным, бесправным большинством. Аналогично возросли контрасты между столицей и провинцией, центрами и периферией на всех территориальных уровнях: и в рамках страны, и в каждом регионе (субъекте Федерации), и во внутриобластном (сельском) административном районе, и в отдельно взятом городе. В географических районах разного размера и ранга относительный подъем центров сопровождается упадком окраин. Тем самым появляются новые пустыри, подходящие для восстановления природных биогеоценозов.

Разительная поляризация российского общества повлекла *экологическую поляризацию ландшафта*, растительного покрова, дикого животного мира. В Нечерноземье исчезают созданные трудом многих поколений культурные угодья - пашня, сенокосы, пастища - в противоположных транспортно-географических условиях (с одной стороны, вдали от больших городов и магистральных дорог; с другой - в пагубной близости от алчных городских застройщиков). В отдаленной от столицы сельской глубинке, особенно на западе Центральной России, в результате зарастания полей сорными травами, кустарниками и деревьями, возникает новая растительная формация, которую я и мои коллеги-географы назвали "*русской саванной*" [Родоман, Каганский, 2004]. А в ближнем Подмосковье, вокруг бывших сел, превратившихся в коттеджные поселки, поля завоеваны крапивой и ядовитым борщевиком выше человеческого роста.

Поляризация животного мира идет, так сказать, с обратным знаком: погибают требовательные к среде звери-"*аристократы*", а выживают более всеядные "*плебеи*". Почти на глазах у взволнованных телезрителей исчезают леопард и тигр, на спасение которых наивные иностранные меценаты выделяют немалые суммы. Между тем, периодически увеличиваясь или уменьшаясь в численности, возвращаются в прежние места обитания и облюбовывают себе новые экологические ниши дикий кабан, лисица, заяц, лось, а временами и волк, успешно скрещивающийся на пригородных свалках с одичавшими собаками.

Российские законы и обычаи не защищают биосферу, ее элементы сохраняются благодаря относительно плохой транспортной доступности; получается, что в парадоксальных российских условиях и бездорожье, и удорожание транспорта экологически полезны¹. Поддержит ли российская власть многообещающее самовосстановление природы или опять примет амбициозную программу "экономического подъема", закачивая разворовываемые деньги в "черные дыры", как при "мелиорациях" Нечерноземья в эпоху Л. Брежнева?

Экологический потенциал административных границ

Географическое пространство России во многом подобно ее бюрократической структуре. Сформировался уникальный централизованный *тоталитарный ландшафт*, в котором "вертикальные" (на местности и карте - радиальные) связи усилены, а "горизонтальные" (прочие) ослаблены. Например, все области, края, республики хорошо связаны с Москвой, но плохо - между собой, если не "нанизаны" на магистраль, ведущую в столицу. При этом почти все "производительные силы" (вне мест добычи ископаемых) сосредоточены в центрах "субъектов Федерации", а на границах регионов в стороне от межобластных дорог сформировались малолюдные "мертвые" полосы, где традиционные сельские поселения в лесной зоне исчезли еще в советское время. Здесь в наибольшей степени происходит вышеописанное одичание культурного и возрождение природного ландшафта. Аналогична ситуация и в сети внутриобластных административных районов, но их приграничные полосы гораздо уже.

Для поддержания жизнеспособности и целостности биосферы природные угодья должны занимать не только достаточную площадь, но и составлять сплошной массив, хотя бы в виде зеленых коридоров. Существующие в России административные границы - почти готовый каркас для эконета, то есть для сплошной трансконтинентальной сети "особо охраняемых" природных территорий [Шварц, 1998], о которой в Западной Европе только мечтают. Там надо будет выкупать и рекультивировать многие земли, компенсируя разным владельцам ущерб и упущенную выгоду, а в нашей стране пограничная зеленая сеть растет сама собой, оставаясь пока вне всякой экономики.

Для сохранения благоприятного экологического потенциала нужна *стабильность административно-территориального деления* (АТД), а оно у нас, к счастью, практически не изменялось с середины XX в. Наши регионы овеществились и окостенели, превратились в своего рода феодальные усадьбы, а их границы стали "живыми изгородями", уже используемыми для модных ныне национальных парков².

В 2004 г. проекты радикальной реформы АТД изрядно напугали географов, всю жизнь занимающихся районированием. Однако пока можно сказать, что "гора родила мышь": возвращение автономных округов под власть своих областей и краев - еще не передвижка и не упразднение административных границ. А вот объединение, скажем, Смоленской области с Тверской или Ульяновской с Татарстаном в одну губернию маловероятно: Кремль, кажется, нашел менее причудливые способы обуздания местных бояр, введя новый порядок назначения губернаторов. Если предстоящие реформы АТД пройдут, как и при недавнем создании федеральных округов, путем группировки имеющихся целых единиц, то их границы лишь частично изменят свои ранг и проницаемость,

¹ Относительно плохую транспортную доступность уязвимых природных объектов можно поддерживать, ускоряя и удешевляя сообщение по главным магистралям. Это одно из фундаментальных положений концепции "поляризованного ландшафта" [Родоман, 2002^a].

² К сожалению, наши национальные парки обычно располагаются по одну сторону межобластной границы, а по другую ее сторону такой же лес нещадно эксплуатируется. Это лишний раз свидетельствует об изоляции и несогласованности развития соседних регионов. Крупнейшие охраняемые природные территории должны быть *интеррегиональными* или находиться в федеральном подчинении, как и военные спецтерритории.

но останутся на месте и сохранят экологическое значение. Валдайскому медведю безразлично, является ли некоторая линия границей только между областями Тверской и Новгородской или она разделяет к тому же еще и федеральные округа; ему важно, что граница отталкивает людей, а своей конфигурацией сохраняет для нашего зверя уютный "медвежий угол".

Экологическая конверсия милитаризма

Ни в какой другой стране военные не занимают в мирное время такой огромной площади, как в России. Нигде полигоны с опасными складами оружия, взрывчатки, отравляющих веществ не прижимаются так тесно к столице и большим городам. Вооруженные силы у нас - командно-административный сектор народного хозяйства, основанный на дешевом рабском труде и обслуживающий верхушку военной касты. В интересах силовиков поддерживаются вооруженные конфликты, стимулируется преступность, фабрикуются уголовные дела. Однако колоссальной энергии военизированных учреждений можно найти более полезное, гуманное, в том числе экологическое, применение, причем без упразднений, сокращений и увольнений.

Министерство обороны РФ - крупнейший в мире консолидированный землепользователь. За колючей проволокой наших запретных зон, если судить, например, по Подмосковью, может скрываться до десятой части страны. В одной только Московской области спецтерритории занимают площадь не меньше герцогства Люксембург³. В гигантской советской державе, где денег не считали и земля ничего не стоила, военные захватили в десятки и сотни раз больше площади, чем требовалось для выполнения их прямых функций. Они упрятали свои объекты, хорошо видимые с воздуха, в дремучие леса якобы для маскировки, согнали и выселили тысячи деревень. Но нет худа без добра! Сегодня на обветшавших военных полигонах сохраняются великолепные леса и богатый животных мир. А звери и птицы лучше уживаются с грохотом танков и снарядов, нежели с натиском дачников и автомобилей.

Расположение и очертания спецтерриторий напрямую не связаны с АТД, а природопользование в них не зависит от региональных властей, что и требуется для эффективной охраны природы. Военные земли в России и по своему ландшафтному наполнению, и по географическому положению - это уже *потенциальные природные заповедники*.

Военные отнюдь не выглядят друзьями природы; тем более, их экологическое перевоспитание не кажется легким делом. Обитатели военных городков и полигонов рубят и продают лес, загрязняют почву и водоемы, отравляют воздух, охотятся без правил, глушат рыбу, но все это - стабильная ситуация и *меньшее зло*, нежели то, что будет после дикой распродажи, приватизации, застройки тех же земель частниками. И что бы там ни творили наши доблестные вояки в своих загонах-полигонах, они невольно выполняют важную экологическую задачу - не пускают в лесистую запретную зону посторонних. Сегодня военные лучше сохраняют занятый ими природный ландшафт, чем номинальные по своей сути заповедники и национальные парки (коррумпированные привилегированные охотхозяйства и лесхозы с жалким штатом беспомощных и зависимых научных сотрудников).

На внешних границах Российской Федерации у вооруженных сил должны сохраняться прежние и развиваться новые функции - оборонять страну от экологической агрессии, нежелательной иммиграции, экологического и демографического давления соседей. Военным, в сущности, безразлично, против кого направлять оружие, лишь бы сохранять свой образ жизни, свою офицерскую и генеральскую касту. Это осуществимо при постепенном превращении какой-то части российской армии в подразделение меж-

³ Подсчитано по данным лаборатории земельных ресурсов географического факультета МГУ и по наблюдениям автора.

дународной экологической полиции /жандармерии (подробнее см. [Каганский, Родоман, 2004]).

Менталитет охранника, сторожа, инспектора

В многоэтнических империях нередко складывалось *межэтническое разделение труда*: к господствующему этносу обычно принадлежали чиновники и землевладельцы; инородцы занимались ремеслом, торговали и т.д. Это разделение функций закреплялось сословиями, кастами, конфессиями. В Российской империи межэтническое разделение труда процветало в западных и юго-западных губерниях, в Крыму, в Нижнем Поволжье, но более всего - на Кавказе и в Средней Азии, где сохранялось в советское время и откуда проросло в постсоветскую Россию, дав яркие плоды и в сегодняшней Москве.

Этническая специализация, как и менталитет, не фатальна и не заложена в генах, но она то и дело воспроизводится при аналогичных стечениях обстоятельств. Оказавшись за рубежом в диаспоре или в оппозиционном меньшинстве, те же русские занимают неожиданные экономические ниши. Но у себя на родине, в любой постсоветской республике, будь то вся Российская Федерация, входящий в нее Башкортостан или соседний с нею независимый Казахстан, - титульный этнос пополняет правящую номенклатуру.

Мечтая о достойном будущем для России, нельзя не считаться с менталитетом и обычаями *имперского народа*. У нас, как и прежде, высок и прочен статус чиновника, а не бизнесмена. Типичный россиянин - не предприниматель, а служащий, его кормят государство: более или менее прямо, делясь с ним в виде жалованья доходами от невозобновляемых природных ресурсов, или косвенно, позволяя ему самому грабить природу и обирать других людей⁴.

Если в каком-то российском регионе местное население само не может (не хочет, не умеет) культурно использовать землю и не позволяет это делать чужим, приезжим, то это прискорбно с точки зрения классической политэкономии, но для самовосстановления природного ландшафта - весьма полезно. Менталитет охранника, сторожа, инспектора; разнообразная, в том числе экономическая, народная ксенофобия и другие подобные качества, очевидно, укорененные в национальном характере россиян, пригодятся для всякого рода охраны территории.

"Собака на сене" станет положительным персонажем, если Россия изберет "профессию" *экологического сторожа*. Сидеть у входа, стоять на посту, ловить и штрафовать чужих, но милостиво пропускать своих - излюбленные занятия и способы самоутверждения у малообразованной части мужского населения, выросшего в военно-полицейском государстве, где камуфляжная форма заменила повседневный и парадный костюмы не только у военных. Поддержание природоохранного режима на громадных и малонаселенных территориях - это не бизнес, а *полицейская работа*. К такого рода занятиям россияне подготовлены тысячелетним ходом своей истории.

Малолюдность и перенаселенность России

Население России к 1993 г. достигло 148,7 млн. человек и с тех пор уменьшается примерно на 0,3 млн. в год (145,5 млн. в 2003 г.). Нас догоняет по людности китайская провинция Сычуань (та самая, которую в переводе известной пьесы Б. Брехта называли Сезуаном). Россияне рассредоточились по площади более чем в полторы Европы, но на двух третях этой территории плотность населения меньше одного человека на квадратный километр.

⁴ Аналогично, мелкий "бизнесмен", "предприниматель" в России - *de facto* служащий криминально-теневых тоталитарных структур.

Призывы остановить депопуляцию России не вяжутся с выводами исследователей, что до 80% ее жителей - *экономически лишие*, они не причастны к нефтегазовой трубе, не нужны высшим чиновникам, не перспективны в качестве производителей и потребителей, обречены на деградацию и вымирание; целые социально-профессиональные слои погружаются на социальное дно [Римашевская, 2003]. Правда и то, что отлучаемое от казны население создало *народную экономику выживания* (садовые участки, членочная и уличная торговля, браконьерство, извоз), от которой кормятся и низшие чиновники, и милиция, но "элите", прописанной в западной половине Москвы, активный народ тоже ни к чему. По отношению к нынешней экспортно-сырьевой ориентации и к сложившимся в стране порядкам можно говорить об *экономической перенаселенности*.

Население России может быть быстро увеличено за счет иммигрантов из зарубежной Азии, которые будут выращивать у нас овощи, шить одежду, собирать машины и приборы. Они способны возродить Россию в качестве заурядной индустриально-аграрной страны и путем колонизации превратить ее во вторую Маньчжурию. За разговорами политиков и журналистов о депопуляции кроется забота о русском этносе. Однако вряд ли кого-то порадует беби-бум у люмпенов, алкоголиков, наркоманов, олигофренов, несовершеннолетних... "Хорошего" роста населения и "правильной" рождаемости социологи и демографы не обещают. Значит, надо приспособливаться к существующей ситуации и, более того, попытаться использовать ее как козырь.

Малолюдность России в сравнении с ее площадью для экологической специализации - явный плюс. Национальный парк, а тем более заповедник, не должен быть густо населен людьми. Для поддержания ландшафта и экофильного, неинтенсивного землеприродопользования требуется гораздо меньше работников, чем при сельском хозяйстве и добыче полезных ископаемых. Альтернатива кажется простой: уступить Сибирь и Дальний Восток соседям или удерживать эти земли в качестве природного резервата под патронатом ООН, в союзе с Европой и США; нести ответственность за Алтай, Саяны, Байкал перед мировым сообществом.

Ландшафт и этнос (почти по Л. Гумилеву) взаимосвязаны; один без другого - ни возродить, ни уничтожить. В национальных парках хозяйственная деятельность не запрещается, но ограничивается. Как правило, это традиционные сельские и охотничье-промышленные занятия аборигенов. Россия в качестве гигантского природного парка необходима прежде всего для сохранения русского народа (наряду с другими, совсем малочисленными). Нужна надежная *этноприродная резервация* для тех россиян, которые не хотят порывать связь с родным ландшафтом и сельской местностью.

Лесопарковая периферия ойкумены

Представим себе большой город, в котором по планам градостроителей или стихийно формируются функциональные зоны - селитебные, промышленные, торговые, складские, рекреационные. В некоторых отношениях вся земная суша превращается во Всемирный город (Эйкуменополис) [Doxiadis, 1968], а в большом городе и функциональные зоны велики; при интеграции в мировое хозяйство в них помещаются целые страны. Нет ничего трагического или позорного, если Россия своей большей частью (северо-восток Европы, Сибирь, Дальний Восток, Субарктика, все горы) попадет в рекреационно-экологическую зону мира, станет *экологическим дополнением*, лесопарковой периферией континентов Старого Света. Ведь мы же не плачем от того, что на территории московского природного национального парка "Лосинный остров" нет никакого промышленного развития. Регионы и страны, отказавшиеся от рутинного промышленного производства, появляются на краях геоэкономического спектра: на информационно-финансовом (США), на экологическом (Россия) и на обоих сразу (Швейцария); в проме-

⁵ Маньчжурия в XIX в. была столь же малолюдной, изобиловала лесами и зверем, как Сибирь, а сегодня насчитывает около 100 млн. жителей.

жуточной промзоне пока пребывает Китай, снабжающий ширпотребом и Америку, и Россию.

В рассуждениях российских геополитиков о многополярном мире звучит примитивная мечта снова поделить военно-стратегические сферы влияния и удержать гегемонию хотя бы в СНГ, тогда как природа уготовила России иную роль. В современном мире есть три *геоэкономических центра*; один из них - Северо-Американский; Россия - природно-ресурсное дополнение двух других - Европейско-Средиземноморского и ЮгоВосточно-Азиатского. Периферийное положение в глобальном экономическом пространстве благоприятно для экологической специализации: обширный лесопарк и должен располагаться на окраине города.

Если архаичные уклады, издержки модернизации, отбросы культуры в самом деле выталкиваются из "передовых" стран в "отсталые", то вытесняются на периферию и некоторые природоохранные возможности, утраченные в Западной Европе, но актуальные для России благодаря редконаселенности, бездорожью, суровому климату, бесхозяйственности. Нет худа без добра, можно *превратить недостатки в достоинства*. "Негативные" особенности России, при одномерном мышлении считающиеся признаками ее отсталости, надо не преодолевать в погоне за "мировыми стандартами" и "мировым уровнем", а использовать, преобразовывать, развивать для решения новых, неожиданных, непривычных задач.

Чем больше людей сосредоточено на западе и юге Евразии, тем меньше должно оставаться всякого рода промышленности, населения, городов на северо-востоке. Россия может покорить человечество не оружием, а уникальным вкладом в дело сохранения биосфера, стать *экологическим полюсом* всего Восточного полушария. Это ли не величие? Это ли не прекрасно?

Нео-неолитическая контрреволюция

Как известно от археологов, в новом каменном веке появились животноводство и земледелие, произошел медленный переход от присваивающего хозяйства (собирательство, рыболовство, охота) к производящему - так называемая *неолитическая революция*, позволившая человечеству расти и развиваться быстрее. Но присваивающее хозяйство не исчезло, оно сохранялось у "отсталых" народов как основное занятие, а у "передовых" - как сопутствующее, которое оживает в эпохи кризисов и откатов.

После 1991 г. в России и других странах СНГ случилась "нео-неолитическая контрреволюция" - обвальный, массовый переход от производства новых вещей к присвоению имеющихся. Захватывается, потребляется, расточается, распродается, вывозится природное и культурное достояние; повсеместны грабеж, рэкет, постоянное перераспределение имущества. Традиционные виды индустрии сохранились, сосредоточились и процветают в немногих отраслях, обслуживающих экспроприаторов (например, строительство зданий и автодорог). В большинстве прочих сфер товарное производство и наемный труд невыгодны.

Россия в качестве производящей страны имеет мало перспектив на мировом рынке не только по экономическим, но и по моральным причинам. В "развитых" странах покупатель все чаще отказывается от продуктов, произведенных с нарушением экологических норм, с пренебрежением к правам человека и животных (вспомним бойкот шуб из натурального меха и паштета из гусиной печени). Но какая продукция выпускается в России без подобных нарушений? У нас даже реальных профсоюзов нет, значительная часть экономики - теневая, не предполагающая соблюдения норм трудового кодекса. Добычей нефти и газа уничтожается родовое хозяйство аборигенов Сибири, а для ежегодного вывоза из Якутии одного-двух чемоданов с алмазами испорчена территория не меньше Швейцарии. Это постепенно доходит до сознания экологически ориентированного потребителя. Уже востребована *экологическая сертификация* российского лесопользования [Птичников, 1999], не избежать этого и другим экспортным отраслям.

СССР был гигантским военным заводом, где товарам для населения отводилась роль жалких отходов военной промышленности. Возрождать производство в России - значит реанимировать ВПК; продавать устаревшее оружие, стимулируя конфликты, в конце концов оборачивающиеся против нас. Однако отказавшись от "тяжелой промышленности" и "среднего машиностроения", наша страна могла бы решительно шагнуть в постиндустриальное общество - конечно, не в его деловой центр, но и не на грязные задворки, а в периферийную природоохранную зону.

Экофильтное природопользование

Если России суждено оставаться природно-ресурсным придатком развитых стран, то ее экспортные ресурсы, в отличие от нефти и газа, должны быть легко возобновляемыми или вовсе не расходуемыми. Экологическая специализация предполагает *экофильтное хозяйство* на большей части территории: рыболовство, охоту, собирательство, рыбо- и дичеразведение - потребительское, спортивное, товарное (для внутреннего и внешнего рынка); *экологический туризм* - потребление природных богатств без присвоения и уничтожения.

Потомки крестьян, переселившихся в город, не порывают с деревней, приезжают туда на лето, используют и преобразуют старое фамильное жилье. Вот так же и многие бывшие россияне смогут посещать "историческую родину" в качестве туристов и рекреантов. Россия может занять по отношению к Западной Европе и США такое же место, как Подмосковье по отношению к Москве (закономерная стадия мировой урбанизации), но главная и первоочередная задача - *простое сохранение* природных территориальных комплексов, биогеоценозов, фрагментов биосферы, мирового климата.

Не "что делать?", а "чего не делать?" - вот роковой вопрос для России: воздерживаться от вредной, экофобной деятельности, вроде советского обслуживания ВПК и постсоветского грабежа природы и получать отступные от богатых, развитых стран. Россия сможет продавать свои квоты не только по Киотскому протоколу, но и по другим аналогичным будущим соглашениям.

Западная Европа и так уже должна России как экологическому донору за кислород, вырабатываемый нашими лесами и болотами [Гольц, 2002], за отказ обедневшего сельского хозяйства от химикатов, загрязнявших моря через речной сток. Отсюда лишь шаг до мысли, что основной доход Россия должна иметь не от действий, а от бездействия. Средством достижения цели может быть не только деятельность, но и *благостное недеяние*.

Труд в развитых странах стал настолько производительным, что уже исключает необходимость работы в странах с низкой производительностью и порочными трудовыми отношениями; глобальный мир прощается с господством наемного труда и сплошной занятости [Бек, 2001]. Не исключено, что вскоре большинство землян будут жить на пособия. Россия и тут "впереди планеты всей": у нас на огромной внегородской территории постоянно обитают только получатели пособий и пенсий. Думаю, чтобы не потерять леса Сибири и Байкал как источники экологических ресурсов мирового значения, богатые страны в состоянии взять на иждивение десяток-другой миллионов россиян.

В Западной Европе выработанные карьеры превращаются в озера с зонами отдыха, а у нас чаще всего - в открытые свалки. Россия вся становится отработанным месторождением. И альтернативой экофильтному природопользованию может быть превращение страны во всемирную свалку. Такой путь диктуется примитивной, безответственной рыночной экономикой и сулит скорую прибыль нынешним "хозяевам земли русской".

"Невидимая рука" А. Смита или тяжелая длань самодержца вряд ли подтолкнут Россию к экологической специализации. Потребуется если не мировое правительство или окрепшая ООН в его роли, то какое-то надгосударственное и сверхэкономическое давление международных институтов гражданского общества [Перегудов, 2003]. Социаль-

но ответственная и экологичная глобальная экономика - не мечта ли это о конвергенции капитализма и социализма (почти по А. Сахарову)?

Приоритет уникальности и особый путь России

В середине XX в. в советском Азербайджане на Ленкоранской низменности вырубили уникальные субтропические леса, чтобы "зашлить Москву помидорами". То было не только решение чиновников, но и естественное давление "народной рыночной экономики" снизу, со стороны колхозов и приусадебных хозяйств. Пару десятилетий спустя СССР аналогичным образом погубил западносибирскую и якутскую тайгу, чтобы залить Европу нефтью и засыпать мир алмазами. Отечественные экономико-географы возражали против подобного конформистского использования природных ресурсов. Они полагали, что в каждом месте надо выращивать, производить прежде всего то, что можно получить только здесь [Ракитников, 1970]. Это правило можно распространить на всю человеческую деятельность и назвать *приоритетом уникальности*.

Не знаю, при каком "экономическом укладе" или "политическом строе" для проявления уникальности открыта "зеленая улица", но вот и теоретик глобализации У. Бек советует развивающимся странам не стремиться делать все то, что уже делают развитые страны, а реализовывать свои специфические возможности и таким образом оказываться вне конкуренции. Конечно, некоторые страны "третьего мира" могут достигать высокой экономической эффективности и конкурентоспособности в определенных отраслях хозяйства на основе хищнического расточения невозобновляемых природных ресурсов и нарушения достойных человека условий труда [Бек, 2001], но это - тупиковый путь, ведущий к краху. России тоже пора слезать с нефтегазовой иглы.

Особый путь или общий со всем человечеством - такая грубая дилемма вызывает досаду, ибо оставлен без внимания третий, промежуточный вариант - учет и использование нашей *географической специфики*, приоритетное развитие собственного природного и культурного наследия. Географическая специфика как ресурс развития есть даже у карликов вроде Андорры и Монако (и они ее великолепно используют), но в силу огромности нашей страны ее особенности имеют глобальное значение.

Нашим ангажированным интеллектуалам можно не мучиться в поисках государственной идеологии. У проекта экологической специализации - блистательные *идеологические перспективы*. Мирам о величии, уникальности, особой духовности России и об ее мессианской роли экологическая программа не противоречит. Либералы-западники, национал-патриоты, неоимперцы-евразийцы, экологисты-неоязычники могли бы найти в данной концепции свои ниши. Церковь могла бы внушить своей пастве, что Бог хранил и готовил Россию для экологической миссии⁶. Но и не впадая в мистику, можно предположить, "что, сохранивая, оберегая свое, Россия на самом деле может быть лучше других стран, работает на сохранение всей Земли в будущем" [Гольц, 2002, с. 78]. И публично кичающиеся своим патриотизмом должны бы только радоваться, если Россия встанет на путь *великой экологической державы* [Россия... 2001]. Для России открывается шанс прекратить сизифов труд, выйти из изнурительной гонки, вырваться из порочного круга догонающе-отстающего, подражательно-имитационного *псевдоразвития* и обрести тем самым более достойное, устойчивое, уникальное место в мировом сообществе.

* * *

Сегодня Россия, как и СССР, - все та же военно-колониальная империя, живущая за счет безудержного расточения невозобновляемых природных и антропогенных ресурсов. Уже далекими кажутся первые послечернобыльские годы, когда многие новоиспе-

⁶ Согласование православия с экологической доктриной - задача не более сложная, чем недавнее провозглашение Ильи-пророка небесным покровителем воздушно-десантных войск.

ченные политики из КПСС, комсомола или КГБ перескакивали в "демократию" на "зеленом коньке" экологии. У нынешнего единственного активного политика и самодержавного правителя России экологическая тема не в фаворе, ему не нужны программы, "мешающие экономическому развитию". Сокрушительным ударом по охране природы стал новый Лесной кодекс, в апреле 2005 г. принятый в интересах высших чиновников президентской администрации и связанного с ними бизнеса. Не за горами и следующие законопроекты той же направленности.

Наметилась тенденция считать подрывными организации, финансируемые из-за рубежа. Некоторые судебные процессы сигнализируют об участии, ожидающей чересчур активных экологистов. Экология загоняется в безгласное подполье при относительно благополучном хроническом застое, украшенном цифрами экономического роста, а в случае нового большого кризиса и обострения социальных конфликтов она отодвинется еще дальше. К тому же под "экологией" народ понимает главным образом загрязнение: ландшафтно-территориальные аспекты охраны природы известны лишь узкому кругу ученых.

Российские экологи надеются на *внутриполитический маятник*, который рано или поздно качнется в нашу сторону. Царящая ныне глубокая ночь наполнена ожиданием неотвратимого рассвета [Ларин... 2003]. Но политические сутки не столь правильны, как астрономические; своевременное наступление утра не гарантировано. Так стоит ли выдвигать проекты, казалось бы, заведомо безнадежные?

Высказывать "неуместные" и "несвоевременные" мысли - профессиональная привычка члена научного сообщества. Пытаясь понять и предвидеть происходящее, общественные науки проводят рациональные касательные к абсурдным извилинам реальности. Мне кажется, что вырастающие на почве исследований социальные проекты надо оценивать независимо от веры или неверия в их осуществимость. Многие давно осуществленные изобретения и идеи начинали свою жизнь как утопии. Предложение отказаться от догонающего развития и превратить большую часть России в природный и этнический резерват может шокировать прямолинейностью формулировки, но это - не изолированный экспромт, а завершение целой пирамиды аргументов и фактов.

Весьма вероятно, что экологическая специализация России станет одной из *великих упущеных возможностей*, как искусственный международный язык и всеобщее и полное разоружение в XX в. Однако замечу, что ни того, ни другого, равно как и задачи сохранения биосферы, история с повестки дня окончательно не сняла.

Согласно закономерности, названной в теоретической географии "эффектом Биттлс(ов)" [Хаггет, 1979], любые новшества, возникающие на периферии, должны сначала апробироваться в центре и только оттуда распространяться вширь. Идеи и изобретения, родившиеся в России, как правило, не могут быть поняты и оценены в своем отечестве до того, как придут аналогичные новшества из-за границы. Я думаю, что и концепция глобальной экологической специализации тоже вскоре поступит к нам из англоязычного западного мира и будет встречена, как все импортные продукты, с присущей российскому менталитету непримиримой черно-белой полярностью: одними - восторженно, другими - враждебно, как еще одна попытка известных врагов ослабить нашу страну, лишить ее пресловутой конкурентоспособности.

Легко и, кажется, вполне логично было бы предположить, что *природный резерват* или *мусорная свалка* - умозрительные, теоретические крайности возможного будущего России, а реальность расположится между ними. Увы! не всякие противоположности допускают золотую середину: смесь чистого с грязным - это все-таки грязь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бек У. Что такое глобализация? М., 2001.

Гольц Г. А. Культура и экономика России за три века, XVIII-XX вв. Т. 1. Менталитет, транспорт, информация (прошлое, настоящее, будущее). Новосибирск, 2002.

Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М., 2001.

Каганский В. Л., Родоман Б. Б. Экологические блага российского милитаризма // Отечественные записки. 2004. N 1.

Ларин В. И., Мнацаканян Р. А., Честин И. Е., Шварц Е. А. Охрана природы России: от Горбачева до Путина. М., 2003.

Недефедова Т. Г. Сельская Россия на перепутье. Географические очерки. М., 2003.

Перегудов С. П. Корпорации, общество, государство. М., 2003.

Птичников А. В. Леса России: независимая сертификация и устойчивое управление. М., 1999.

Ракитников А. Н. География сельского хозяйства (проблемы и методы исследования). М., 1970.

Римашевская Н. М. Богатые и "социальное дно" // Справедливые и несправедливые социальные неравенства в современной России. М., 2003.

Родоман Б. Б. Великое приземление (парадоксы российской субурбанизации) // Отечественные записки. 2002⁶. N 6.

Родоман Б. Б. Внутренний колониализм в современной России // Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства. М., 1996.

Родоман Б. Б. Поляризованная биосфера. Сборник статей. Смоленск, 2002^a.

Родоман Б. Б. Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. Смоленск, 1999.

Родоман Б. Б., Каганский В. Л. Русская саванна // География (еженедельник). 2004. N 5.

Россия и ее регионы. Внешние и внутренние экологические угрозы. М., 2001.

Уамм К. Экология и управление природными ресурсами. М., 1971.

Хаггет П. География: синтез современных знаний. М., 1971.

Шварц Е. А. Экологические сети в Северной Евразии // Известия РАН, серия географическая. 1998. N 4.

Doxiadis C. A. Ekistics: An Introduction to the Science of Human Settlements. New York, 1968.